

Научная статья

УДК 94(470.63):614.2

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.4>**БЕСПРИЗОРНОСТЬ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В 1920-Е ГГ.: ДЕТСКИЙ ГОРОДОК В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СТАВРОПОЛЯ 1920-Х ГОДОВ****Тамара Александровна Булыгина^{1*}, Нина Васильевна Романова²**^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)¹ Доктор исторических наук, профессор
bul.tamara2011@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1846-9360>.² Кандидат исторических наук, доцент
history_d03@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-3437-6616>.

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В данной статье показана детская беспризорность как часть городской повседневности, которая привела к возникновению системы Детских городков в стране. Характеризуя деятельность Ставропольского Детского городка, авторы, основываясь на значительном объеме архивного материала, показали не только основные направления работы городка, но и серьезные проблемы содержания детей в этих заведениях. **Материалы и методы.** На основе принципов междисциплинарности и исторической антропологии, методов новой локальной истории в статье проведен анализ официальных документов органов местного управления. **Анализ.** В работе представлен материал о деятельности региональной власти и педагогических работников в системе работы с беспризорными детьми в городском пространстве в 1920-е гг. Анализ проблемы в рамках города Ставрополя проводится с учетом не только регионального, но и общероссийского контекста. В 1920-е гг. на территории Советской республики для борьбы с детской беспризорностью были созданы уникальные учреждения для детей – Детские городки, которые наряду с учебно-воспитательной работой осуществляли практическую подготовку детей к жизни, поскольку имели сельскохозяйственный или производственный уклон. Именно их наличие и их проблемы существенно влияли на повседневную жизнь горожан Ставрополя.

В статье на основе изучения комплекса архивных источников подробно проанализированы проблемы Ставропольского Детского городка им. Октябрьской революции, которые были частью городской повседневности 1920-х гг. Авторы отмечают, что, несмотря на усилия власти, ребята в городке ощущали значительную нехватку одежды, обуви, посуды, постельного белья. Не было книг и школьных пособий, но главное – дети недоедали, были истощены, болели.

И все же Детский городок способствовал сокращению детской беспризорности. Благодаря этому социальному учреждению с улиц города Ставрополя было изъято огромное количество беспризорных детей. Активно использовался детский труд. Работники Детских городков помогали в борьбе с

городской преступностью, отдельно занимаясь с малолетними преступниками и устраивая детей на работу. **Результаты.** Одним из важнейших итогов деятельности Советской власти в сложных экономических условиях в 20-е гг. XX в. было создание государственной социальной системы по оказанию помощи беспризорным и обездоленным детям, что меняло и детскую повседневность в частности, и городскую повседневность в целом. Авторы статьи акцентируют свое внимание на становлении и развитии Ставропольского Детского городка им. Октябрьской революции как одного из средств социальной политики власти, которая способствовала формированию новой повседневности жителей города Ставрополя.

Ключевые слова: городская повседневность, Детский городок, беспризорность, безнадзорность детей, социальная политика, советская история, история повседневности, новая локальная история, Ставрополь

Для цитирования: Булыгина Т. А., Романова Н. В. Беспризорность в городском пространстве повседневности в 1920-е гг.: Детский городок в повседневной жизни Ставрополя 1920-х годов // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 379–390. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.4>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: один из авторов – доктор исторических наук, профессор Т. А. Булыгина является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-20073 «Городская повседневность южной провинции. Эволюция массового сознания и повседневные практики горожан Ставрополя и Кавказских Минеральных Вод в 1920–1930-е гг.», <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Статья поступила в редакцию: 15.04.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.06.2025.

Статья принята к публикации: 25.07.2025.

Research article

HOMELESSNESS IN THE URBAN SPACE OF EVERYDAY LIFE IN THE 1920S: CHILDREN'S PLAYGROUND IN THE EVERYDAY LIFE OF STAVROPOL IN THE 1920S**Tamara A. Bulygina^{1*}, Nina V. Romanova²**^{1,2} North-Caucasus Federal University (Building 1, Pushkin Str., Stavropol, 355017, Russian Federation)¹ Dr. Sc. (History), Professor
bul.tamara2011@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1846-9360>.² Cand. Sc. (History), Associate Professor
history_d03@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-3437-6616>.

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article examines childhood homelessness as a part of everyday urban life, which led to the emergence of the Children's Town system across the country. In describing the activities of the Stavropol Children's Town, the authors, drawing on a significant amount of archival material, demon-

strate not only the main activities of the town but also the serious challenges of caring for children in these institutions. **Materials and methods.** Based on the principles of interdisciplinarity and historical anthropology, and the methods of new local history, the article analyzes official documents of local government bodies. **Analysis.** The

paper presents material on the activities of regional authorities and educational staff in dealing with street children in the urban environment in the 1920s. The analysis of the problem in the city of Stavropol draws on not only the regional but also the national context. In the 1920s, unique institutions for children, Children's Towns, were established across the Soviet Republic to tackle child homelessness. These institutions, along with educational and upbringing work, also provided practical preparation for life for children, as they focused on agricultural or industrial activities. Their existence and problems significantly impacted the daily lives of Stavropol residents.

Based on a comprehensive study of archival sources, the article provides a detailed analysis of the problems of the Stavropol Children's Town named after the October Revolution, which were part of everyday urban life in the 1920s. The authors note that despite the efforts of the authorities the children in the town experienced a significant shortage of clothing, footwear, dishes, and bedding. There were no books or school supplies, but most importantly, the children were undernourished, emaciated and sick.

Despite this, the Children's Town contributed to the reduction of child homelessness. Thanks to this social institution, a huge number of homeless children were taken from the streets of Stavropol. Child labor was actively used. Children's Town workers helped combat urban crime by working specifically with juvenile delinquents and finding jobs for children. **Results.** One of the most important results of the actions taken by the Soviet government in the difficult economic conditions of the 1920s was the creation of a state social system to provide assistance to homeless and disadvantaged children, which transformed both children's daily lives and the city everyday life in general. The authors of the article focus on the estab-

Введение. Целью статьи является реконструкция той картины городской повседневности в 1920-е гг., частью которой, как свидетельствует анализ, была уличная беспризорность и попытки местной власти ее преодоления на материалах Ставропольского Детского городка им. Октябрьской революции.

Актуальность данной статьи связана с анализом научных публикаций, посвященных повседневной жизни городского населения Советской страны в 1920-е гг., что позволяет прийти к выводу востребованности проблемы в силу ее практико-ориентированной значимости. Исторический опыт и знание специфики организации повседневной жизни провинциального российского города позволит сегодня муниципальной власти более эффективно решать многие социальные проблемы городского пространства.

Основными источниками работы стали архивные документы, составившие большую часть использованных материалов. Наряду с этим были востребованы официальные декреты и распоряжения новой власти [6; 16–19].

Изучение проблем беспризорности и безнадзорности в России имеет давнюю традицию [1; 2; 8; 26]. В современной российской историографии данная проблема широко востребована как в общероссийском, так и в региональном контекстах. Особенно активно эта тема стала разрабатываться российскими историками с конца 2000-х гг. [9; 11; 13; 20; 22; 23]. История беспризорности на Ставрополье и Кавказских Минеральных Водах фрагментарно освещалась в ряде публикаций и диссертационных исследованиях [12; 21]. Вместе с тем за небольшими исключениями [14; 24] в этих работах в основном рассматривалась политика советской власти для решения этой пробле-

ishment and development of the Stavropol Children's Town named after the October Revolution as one of the government social policy instruments, which contributed to the formation of a new everyday life for the residents of Stavropol.

Keywords: urban everyday life, Children's Town, homelessness, child neglect, social policy, Soviet history, everyday history, new local history, Stavropol

For citation: Bulygina TA, Romanova NV. Homelessness in the urban space of everyday life in the 1920s: Children's playground in the everyday life of Stavropol in the 1920s. *Humanities and law research*. 2025;12(3):379-390. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.4>

Conflict of interest: one of the authors, TA Bulygina, Dr. Sc. (History), Professor, is a member of the editorial board of the journal "Humanities and law research". The authors are unaware of any other potential conflict of interest related to this manuscript of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Acknowledgments: the study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-20073 "Urban Everyday Life of the Southern Province. Evolution of Mass Consciousness and Everyday Practices of the City Residents of Stavropol and the Caucasian Mineral Waters in the 1920s – 1930s", <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

The article was submitted: 15.04.2025

The article was approved after reviewing: 18.06.2025.

The article was accepted for publication: 25.07.2025.

мы и ее результаты, причины беспризорности в этот период, правовые и экономические предпосылки для ликвидации этого явления, а повседневной жизни беспризорных детей уделялось немного места. Беспризорная повседневность была представлена в основном художественной литературой.

В данной статье повседневность беспризорного детства и ее эволюция показана на примере Детского городка в Ставрополе. Изучая работу Детского городка в Ставрополе, мы рассмотрели некоторые стороны повседневной жизни детей этого городка, а также место этого заведения в городской жизни и его образ в массовом сознании горожан.

Материалы и методы. Данная статья написана при опоре на принципы историзма, исторической антропологии и междисциплинарности. При этом были использованы методы и инструментарий новой социальной и новой локальной истории, а также истории повседневности с использованием микроанализа. Представлены такие стороны социальной истории, как экономическая, медицинская и педагогическая, аспекты существования детей-сирот и детей вне семьи в системе закрытых учреждений: детских домов, коммун, колоний и проч. Проведен микроисторический анализ жизни детей в детских домах.

Основными материалами, на которые опирались авторы, были официальные документы центральной власти законодательного характера, а также делопроизводственные источники из Государственного архива Ставропольского края. Это декреты и постановления ВЦИК, СНК, наркомата просвещения и наркомата здраво-

охранения, а также документы по организации и деятельности Детского городка в Ставрополе.

Анализ. Детская беспризорность наряду с другими чертами разрухи России первой половины 1920-х гг. была грозным символом времени. Поэтому для реализации политики борьбы с беспризорностью в разгар Гражданской войны декретом ВЦИК от 4 февраля 1919 г. был создан Совет защиты детей, для которого вменялась в «обязанность оберегать в опасное переходное время подрастающее поколение» [25, с. 38]. За год до этого был принят декрет от 14 января 1918 г., согласно которому создавались особые Комиссии по делам несовершеннолетних (Комонес), которые просуществовали до 1935 г. [7]. Однако впервые об особой защите беспризорных детей было сказано в Декрете ВЦИК от 10 февраля 1921 г., которым была учреждена Комиссия по улучшению жизни детей под руководством Ф. Э. Дзержинского, когда беспризорность стала трагедией молодого советского общества. В нем указывалось, что Деткомиссия должна обеспечить «в первую очередь оказание помощи учреждениям, ведающим охраной жизни и здоровья беспризорных детей» [6].

После запрещения усыновления, когда в 1918 г. был принят Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, запрещающий усыновление как своих родных, так и чужих детей, началось формирование институтов социального воспитания: детских домов, трудовых колоний и др. Именно в 1920-е гг. была создана государственная система попечения несовершеннолетних под руководством Наркомата просвещения РСФСР.

Однако идеальные структуры и меры помощи беспризорным детям разбились о суровую реальность: финансовая бедность регионов, голод, который поразил не только Поволжье, но и Кубань, и Ставрополье, отсутствие организационного опыта и другие факторы. Требование изымать детей с улицы привело к тому, что в детских домах страны в самое тяжелое время начала 1920-х гг. содержались более полумиллиона детей [11]. Нагрузки на хозяйство детских домов было непосильным. Не помогали местные инициативы в виде шефства предприятий и учреждений или специальные квоты для производственного обучения и трудоустройства подростков. Пайки, которые выделялись на детские дома, были во много раз меньше требуемых, часть продуктовых запасов, одежды, постельного белья расхищалась.

Инициатива создания учреждения поступила из центра и предполагалось, что это будут разновозрастные интернаты с проживанием в отдельных зданиях дошкольников, школьников и подростков от 15 до 18 лет. Первые экспериментальные Детские городки возникли в 1918 г. в таких крупных городах как Москва, Киев и

Одесса. Они объединяли детские учреждения различного типа: приемники, дошкольные, школьные и подростковые детские дома, школы, клубы, мастерские, сельские хозяйства, а также учреждения бытового обслуживания: столовые, прачечные, бани и др. Все они должны были находиться на одной территории, объединялись едиными органами управления и самоуправления, а также общим педагогическим и хозяйственным планом работы. По сравнению с детдомами, Детские городки имели усиленную материальную базу, более квалифицированный состав работников.

В Ставрополе в 1921 г. был организован Ставропольский Детский городок им. Октябрьской революции. Ставропольский Детский городок стал первым масштабным социальным проектом на Северном Кавказе, хотя наряду с ним действовали детские дома и в Ставрополе, и в городах Кавказских Минеральных Вод. Однако это были традиционные формы социализации детей без семьи. Уже к 14 сентября 1921 г. было оформлено правление Детского городка. К декабрю 1921 г. во главе городка стояла коллегия, в компетенцию которой входило решение всех важных вопросов. Заведующий городком в педагогических вопросах мог не согласиться с коллегией и представить свое особое мнение на окончательное разрешение Губернского подотдела социального воспитания (Губсоцвоса) и ГубОНО. В функции заведующего Детским городком входило руководство и координация работы всех сотрудников учреждения. В состав Коллегии входили заведующий городком, заведующий административно-хозяйственной частью, заведующий учебной частью дошкольного и заведующий учебной частью школьного воспитания, политический комиссар и представитель месткома. На заседании коллегии разбирались вопросы об устройстве, учебно-воспитательной деятельности, а также заслушивались доклады-отчеты заведующих отделами. Контролирующим органом над коллегией и каждым ее членом, а также над всем городком являлась контрольно-хозяйственная комиссия, избираемая общим собранием месткома. Функционировала малая, или тесная, коллегия, но существовала еще и коллегия широкая. Широкая коллегия созывалась по мере необходимости для решения хозяйственно-педагогических вопросов, сокращения штатов, обсуждения планов и проектов «тесной» коллегии. В состав широкой коллегии входила «тесная» и все заведующие отделами [4, л. 66]. Все административные лица по требованию месткома и коммунистической ячейки отчитывались пред ними о состоянии детского учреждения, о мероприятиях и проблемах. Во главе каждого отделения стоял педагогический совет, председателем которого был заведующий отделением. В полномочия совета входило решение текущих вопросов. В его состав входили педаго-

ги, а также 50 % детей и технического персонала. Совет избирался всем коллективом отделения на общем собрании, и из состава совета назначался президиум и контрольно-хозяйственная комиссия отделения. Для технической работы при административном аппарате имелся штат канцелярских работников: секретарь городка, бухгалтер, конторщик и счетовод. Кроме того, в силу необходимости для административной работы привлекались грамотные воспитанники.

В 1920-е гг. на юге страны беспризорность достигла колоссальных масштабов, беспризорники стремились к теплу, и крыши, сцепы вагонов, ящики с углем были забиты чумазыми маленькими «пассажирами». Ставропольская исследовательница С. А. Самсонова пишет об этом периоде: «Численность беспризорных детей была настолько велика, что позволяет характеризовать ситуацию как всенародное бедствие. На Ставрополье к концу 1923 г. было 14 718 человек, к апрелю 1924 г. – 16 тысяч, а к началу 1925 г. число беспризорных достигло 18 тысяч» [21].

Ставропольский Отдел народного образования губернского исполкома советов, руководствуясь решениями и инструкциями центральной власти, планировал создать в городе Ставрополе опытно-показательное учреждение социального воспитания, которое бы охватывало жизнь ребенка с юных лет до полного взросления. Однако в идеальном виде этот план осуществить не было никакой возможности, и дело не только в бедности губернского бюджета и нехватке кадров. Кроме того, выполняя распоряжение убрать беспризорников с улиц, местная власть из приемников передавала детей в детские дома, которые и так были переполнены. Например, в Новочеркасском Красном Детском городке в 1923 г. находилось около 4 500 воспитанников [10].

Во второй половине 1921 г. в Ставрополе появились реальные возможности для создания Детского городка. В это время Ставропольский губернский исполком своим решением закрыл Ионно-Мариинский женский монастырь. Престарелые монахини просили оставить их при детском доме в качестве обслуживающего персонала, но местные руководители были неумолимы: послушницы были изгнаны без всякого имущества. Вот тогда в ведение губернского отдела народного образования (ГубОНО), который должен был создавать Детский городок имени Октябрьской Революции [4, л. 31], поступило немало монастырских строений, земля монастыря, инвентарь и даже предметы повседневного обихода вплоть до подушек.

Отсутствие опыта управления у местных чиновников и страстное желание реализовать проект и выслужиться перед вышестоящими инстанциями приводили к преувеличению собственных заслуг и декларируемым показателям, далеким от реальности, что сказывалось на жизни детей. Так,

согласно официальным документам, у Детского городка им. Октябрьской революции имелись все данные для «постановки рационально организованного хозяйства, в котором могут быть представлены все виды сельскохозяйственной промышленности. Это, в свою очередь, даст возможность теснейшим образом связать образовательную работу детей с производительным общественно-необходимым трудом. Более того, это позволит придать всей работе в городке сельскохозяйственный уклон с возможностью для старших возрастных групп детей создать даже сельскохозяйственный техникум» [4, л. 32]. Общая картина на бумаге была оптимистичной, тогда как в реальности приходилось сталкиваться с трудностями. Повседневность детей, попавших в Детский городок, определялась не только конкретной ситуацией разорения и голода, но и тем, что его проект не содержал ни практических мер по административно-хозяйственному развитию, ни четкой педагогической системы. Ближайшей задачей организаторов было выживание детей, необходимо было в самый кратчайший срок спасти детей от ужасов голода и холода, от развращающего влияния улицы. Конечно, говорить о какой-либо предварительной кабинетной, теоретической разработке плана по организации всех сторон жизни городка (административной, учебно-воспитательной, хозяйственной) не приходилось. Для организации городка ГубОНО привлекал кадры, среди которых были и случайные люди. Поэтому многие сотрудники в своей работе отличались халатностью, недобросовестностью, корыстью [4, л. 31]. Что касается материальной базы, то в распоряжении Детского городка было свыше двухсот помещений (в основном кельи), расположенных в различных корпусах, имелся огород более четырех десятин, фруктовый сад, небольшой лес и более трехсот десятин хорошей пахотной земли. Имелся и инвентарь для обработки этих угодий, но в ветхом состоянии и малом количестве [4, л. 31].

Большинство воспитанников, собранных в Детском городке, были выходцами из сел, поэтому крестьянский труд им был привычен. В основе организации Детского городка лежали принципы Единой трудовой школы с уклоном в природоведение и сельское хозяйство с учетом аграрной специфики региона. Это вполне соответствовало статье 12 «О Единой трудовой школе»: «Основой школьной жизни должен служить производительный труд, не как средство оплаты издержек на содержание детей и не только, как метод преподавания, но именно как производительный общественно-необходимый труд. Он должен быть тесно, органически связан с обучением, освещающим светом знания всю окружающую жизнь. Постоянно усложняясь и выходя за пределы непосредственной обстановки детской жизни, производительный труд должен знакомить детей с самыми разнообразными формами производства, вплоть до самых высших» [5]. Перед работниками

городка ставилась задача – создать примерное учреждение социального воспитания, целью которого является «всем своим строем, всем своим бытием организовать сознание детей в духе коллективной, а не сепаратной, индивидуалистической психологии» [4, л. 32].

Реальность несколько расходилась с благородными целями, которые стояли перед сотрудниками Детского городка. Здесь следует вернуться к вопросу о качестве кадров, которые должны были достигать этих высоких целей. Для работы в городке очень сложно было подобрать сотрудников. Например, в аппарате городка была должность политкомиссара-политрука, чьи функции плохо вписывались в воспитательное пространство детского дома. Вот что писал в одном из отчетов заведующий Детским городком М. Дзюба: «Какова же роль политкома-политрука для меня не понятно. Зачем таковая вообще существует в городке при том педагогическом убожестве, каким обладают назначенные сюда политкомы-политруки. Должность это была бы понятна, если на нее назначалось лицо квалифицированное, т. е. чтобы этот человек был политически грамотен, с внешней подготовкой или со школьной, чтобы он вел политпросветительное дело, за него отвечал бы и только. Но Губсоцвос и ГубОНО назначают людей малограмотных вообще и политически, хотя и партийных, ничего общего с педагогической работой и внешкольной никогда не имевших и совершенно ее не представляющих. И от непонимания своих функций политком начинает вмешиваться в административно-хозяйственную и, что больше всего, в педагогическую часть, на этой почве создается натянутость в отношениях членов коллегии» [4, л. 66об.]. М. Дзюба даже предлагал упразднить должность политического комиссара или более четко указать его компетенции. Против политического воспитания детей он не возражал, но активно ратовал за качество кадров, его осуществлявших. Его глубоко возмущала неграмотность данных работников, которые в силу своего низкого уровня образования не понимали смысл своего присутствия в учреждении, часто занимались банальным подсиживанием и шпионажем. С детьми политкомы по определению работать не могли. Поэтому общая атмосфера, описанная М. Дзюбой, передает не только организационные, но и психологические сложности управления Детским городком: «Одно из двух – или педагогика и политическое воспитание детей, или же долой это, да здравствует подсиживание детьми педагогов, сыск и прочие мелочи, которые отнюдь не являются политическим воспитанием. Этого раньше в Детском городке и при политкоме не наблюдалось, потому что бывший политком понимал ясно разницу между политическим воспитанием и политическим развращением» [4, л.

66об.]. Конфликты, порождаемые такой системой, разворачивались на глазах воспитанников и негативно на них влияли.

Нехватка качественных кадров вела, с одной стороны, к приему случайных людей. Например, документы фиксируют случаи, когда завхозы расхищали имущество и продовольственные запасы городка. С другой стороны, как отмечал М. Дзюба, были репутационные издержки. Среди горожан распространялись слухи о нравах среди коллектива Детского городка, и люди боялись идти туда работать: «Присылается новый человек, которому наговорили о городке страхов, он является сюда уже предубежденным против даже тех, с кем работать приходится. Начинаются недоразумения. Необходимо в этом отношении прислушиваться к голосу городка и после этого назначение ответственных работников производить» [4, л. 67].

Отметим, что образ Детского городка в массовом сознании горожан Ставрополя складывался и из трудностей его существования, и из городских мифов. По мнению заведующего Детским городком М. Дзюбы, «русский обыватель вообще, а Ставропольский в особенности, весьма склонен к оханью и аханью, к паникерству и прислушиванию к тем сплетням, которые раздаются из подворотни безответственных праздных болтунов, любящих, после сытного блюда пропустить чрез свою убогую фантазию, словно стакан лимонаду, пару две сплетен по адресу Советской власти, ея учреждений, ея работников» [4, л. 63]. О городке распространялись «небывалые сплетни»: говорилось о том, что в нем моят детей, заражают сапом, расстреливают, что в городке разврат среди детей, никто ничего не делает, все занимаются лишь бесшабашным хищничеством. «И говорилось это втихомолочку, с оглядкой, но так, чтобы и другие слышали. И брошенная сплетня подхватывалась на лету, украшалась причудливыми узорами новых добавлений, превращаясь постепенно в сплетню крупную и в воде грязного, вонючего кома докатывалась до Д/гор. (детского городка. – Т. Б., Н. Р.), оскорбляя тех, кто работал в нем не покладая рук, не считая часов, довольствуясь 1/2 ф. хлеба в сутки, кто переносил тифы, простуды, малярии; кто падал от истощения и наживал малокровие, расстраивал нервы, вкладывая в дело свою душу» [4, л. 63]. М. Дзюба переживал болезненно за репутацию подведомственного ему учреждения и подготовил обстоятельный доклад для публикации в местной газете, чтобы опровергнуть все фальсификации: «Вот с этими "ужасами" надо бороться, над ними надо поработать без гика и крика, возмущенья, а спокойно, методично, планомерно и не месяц, а годы, за месяцы же надорвется, или дело испортится и только. Мы еще не способны на такую длительную и планомерную работу. Нам результаты подавай

сразу. Мы все еще верим, что положение зависит от лиц, а не лица от положения. И потому у нас во всех областях нового строительства наблюдается бешеная чехарда, а дело-то несколько не улучшается. Досужая же обывательская фантазия сует свою паутину в закоулки наших построек и, как противный паук, высматривает из них, чтобы питать себя нашими ошибками, нашей неурядицей, нашим несчастьем» [4, л. 63об].

Во второй половине 1921 г. в городке воспитывались и обучались 1 040 детей обоюбого пола возрастом от одного года и до шестнадцати лет. Воспитанники были распределены следующим образом: ясли, пять дошкольных отделений типа «детский сад», одно отделение переходное для семилетних, шесть отделений для детей школьного возраста, отделение национальных меньшинств, приемник, в который поступали дети школьного и дошкольного возраста, больница на 150 мест. Городок мог бы еще вместить 500 детей, при условии ремонта запущенных помещений [4, л. 32]. Общее количество детей в школьных отделениях и приемнике – 769 человек. Кроме того, ГубОНО регулярно направлял детей из сел или окраин Ставрополя. Цифры впечатляют: в среднем прибывали 350 детей в месяц, а обслуживали 33 человека воспитательского персонала и 8 человек технического – два воспитателя в больнице. Многие воспитатели заболели тифом или холерой. 10 вакантных мест воспитателей городка занимать никто не спешил [4, л. 67]. Высококвалифицированные работники в Детский городок идти не хотели, в связи с чем 22 % всех мест педагогов оставались вакантными. Работу осиливали только очень большие энтузиасты или те, кто привязался к детям [4, л. 67об].

Бытовые условия, организованные для воспитанников на начальном этапе, были тяжелыми. Школьные отделения городка помещались в бывших кельях, где были прорублены стены для соединения их друг с другом. Подготовка зданий для третьего и шестого отделений была произведена самими детьми под руководством воспитателей. Потолки школьных отделений были низкими, окна маленькими, кровати занимали все комнаты за исключением одной, которая служила и столовой, и местом отдыха для детей в дождливую и холодную погоду. Кроватей в отделении помещали столько, сколько можно было поставить. На каждой кровати спали по два-три ребенка, в приемнике дети спали на полу вповалку. Белья имелось от 1,5 до 2 смен, теплой одежды 5 %, а с обувью вообще дела обстояли катастрофично, поскольку ее не было совершенно. Питание было ниже положенной нормы на 75 % и его хватало детям только, чтобы не умереть с голоду. Ввиду недостатка питания дети ели траву, недоспевшие фрукты, несмотря на надзор, но не всегда удавалось все уследить,

поскольку на 26 воспитателей приходилось 769 детей [4, л. 67об].

Перебои с электричеством, постоянно случавшиеся в Ставрополе, нарушали работу городка. Долгие осенние и зимние вечера воспитанники вынуждены были проводить при свете «коптилок», которые давали больше копоти, чем освещения. Кроме того, электрическое освещение, особенно в детском учреждении, являлось более безопасным по сравнению с керосиновыми лампами. В принципе, проблема была решаемая, поскольку у городка имелась собственная электрическая станция, и здание этой станции находилось в удовлетворительном состоянии. Также были в наличии нефтяной двигатель в 25 лошадиных сил, динамо-машина мощностью в 10 киловатт, реостат и распределительная доска [4, л. 33]. По мнению руководства Детского городка, электрической энергии, даваемой динамо, было бы вполне достаточно, чтобы осветить весь детгородок, и даже более того, электрифицировать его. Специалистами был произведен простой расчет: «стоимость керосинового освещения в месяц выразится по существующим ценам в сумме 172.641.447 р., электрического же – в 60.746.153 р., что дает в месяц экономии в 111.895.324 р.; установка же электрического освещения во всем городке согласно специально составленной смете обойдется 3.028 р. 43 к. в довоенным руб., а по рыночным ценам в бумажных рублях в сумме 231.703.125 р., так что одной только экономии сравнительно с расходами на керосиновое освещение этот расход можно будет покрыть в два с половиной месяца» [4, л. 33]. Электрификация городка была крайне необходима. Кроме того, руководство городка рассчитывало использовать электрическую станцию в работе слесарной, столярной, сапожной, швейной мастерских.

Сотрудникам и ребятам, чтобы выжить, приходилось много и тяжело работать. К зиме 1921 г. сельскохозяйственная часть городка имела в своем распоряжении 60 дойных коров, 6 пар волов, 6 лошадей с упряжью, плуг, 3 бороны и сеялку. Однако кормить животных было нечем, поскольку в наличии было всего 1000 пудов плохого силоса и гнилой кровельной соломы. Поэтому 45 коров пришлось отправить на зимовку, где они погибли, а оставшаяся часть погибла дома. К весне остался один вол и четыре лошади, которые еле двигались и не могли даже возить продукты в Детский городок из города. Кроме того, предстояло много работы по благоустройству помещений, а без гужевого скота это было сложно. Главным оставался вопрос о посеве, т. к. осенью было засеяно только 7,5 десятин, и те не взошли. Надо было позаботиться об огородах и садах. Между тем, как выяснилось, за городком не было закреплено ни одного сада, ни одного огорода, ни одной

десятины поля или сенокоса, хотя все это было в пределах городка, да и обрабатывать их было нечем. У коллегии не было ни денег, ни посевного материала. По-прежнему отсутствовал фураж для рабочего скота. Самое главное, что в городке было столь «убийственное питание» рабочих и всех служащих, что люди ежедневно заболели на почве недоедания.

После долгих и тяжелых мытарств губернским отделом коммунального хозяйства (коммунхозом) за Детским городком была закреплена огородная и садовая площадь в 32 десятины. Правда, земля была в разных местах, и половина этой земли к весенней обработке под огороды была не пригодна. Вместе с тем выделить полевую и сенокосную землю отказались. Было отказано и в возвращении 79 ульев, ранее принадлежавших Детскому городку. Губземотдел в тех тяжелейших условиях отпустил 420 пудов яровой пшеницы, 250 пудов кукурузы и 420 пуда картофеля для посева. ГубОНО выделил через Губземотдел немного огородных семян, правда, сквернейшего качества, более чем на 100 миллионов рублей. Для населения Детского городка это было очень мало. И все-таки администрация городка нашла и посевной материал, и посевищников-коллективистов, которые взялись на своей земле произвести посев – 380 десятин разных культур с полной обработкой и доставкой в городок зерна и фуража в размере 40 % всего урожая [4, л. 64об]. ГубОНО оказал поддержку городку по заготовке сена – 3 000 пудов для скота, которого в тот момент уже имелось 12 лошадей, корова с телком и 3 пары волов [4, л. 64об].

Изнуренные недоеданием, рабочие, дети и педагоги еле держались на ногах. Скот был тощий, жалкий, бессильный, а земля тяжелая, дерновая, требовавшая глубокой вспашки и тщательной бороновки. Пришлось изыскать пути обработки садов 2,75 десятин и огородов 27,25 десятин. Земля в те голодные годы была предметом частых хозяйственных споров. Из указанных выше участков 7 десятин уже вспаханной земли было захватным образом засеяно артелью студентов сельскохозяйственного института, а из 20 остальных 17,1 десятин обработана городком под разные огородные культуры: картофель – 4, 25 десятины, капусты 1,5 десятины, помидор – 1 десятин, бураков 4,5 десятины, огурцов – 2 десятины (арбузы не вошли и пересейны огурцами), тыкв 1,5 десятины, кабачков 0,25 десятины, корневым 0,25 десятины, фасоли – 1 десятин, луку 0,25 десятины, дынь – 0,5 десятины.

Проблема была в нехватке рабочих рук. Если зимой отсутствовал инвентарь, но от рабочих не было отбоя, то весной рабочие знали, что городок им ничего не даст, кроме скудного дневного пропитания и мизерной неаккуратной оплаты ничтожного жалованья, на которое бу-

дет трудно прожить. В селах же предлагали и питание, и 10 фунтов муки в день, поэтому рабочие и служащие бежали туда. Летом работать в Детском городке, кроме детей и педагогов, которые были страшно изнурены систематическим недоеданием, было некому. Было принято решение увеличить сельхозрабочим норму питания, и лучших работников премировать 20–30 фунтами муки в месяц [4, л. 65]. Администрация понимала, что эта мера неэффективна, поскольку каждый рабочий стремился заработать, и эта премия для него была мизерна. Приходилось придумывать различные варианты, например, сдавать сады и огороды за процент, а затем рабочим и служащим, помимо премий, надо было договором обеспечить минимум 15 пудов зерна каждому. Кроме того, было принято решение хозяйственной части увеличить кадровый состав рабочих до 50 человек на весь сезон. Помимо огородных работ, заготовки сена, подрядов по уборке хлеба, перед ней стоял весьма сложный вопрос об очистке городка.

Санитарное состояние тоже оставляло желать лучшего. В Детском городке при населении 1 500 человек совсем не было уборных (ретирада – отхожее место). Всего 6 отхожих мест были изготовлены руками детей и педагогов, но они быстро переполнялись. Необходимо было изготовить еще 20 новых, а старые засыпать или очистить. По подсчетам хозяйства для этих работ требовалось не менее 5 рабочих на 1–2 месяца [4, л. 65].

И вроде бы прогрессивная мера, когда при организации Детского городка на его территории работала больница, сочеталась с вопиющим беспорядком. Отбросы кухонь, мусор, зола, навоз, гнилой лист сваливались, где попало. Весной 1921 г. все отходы были собраны в кучи руками детей и сотрудников. На территории городка располагался пруд, который никогда не чистился и превратился в болото, в силу чего стал рассадником малярии. Его также необходимо было привести в порядок, но для этого требовались 2 подводки и 5 рабочих.

Из-за плохих санитарно-гигиенических условий, недостатка белья, посуды, постоянного притока детей в школьных отделениях наблюдались заболевания холерой, холериной, тифом сыпным и брюшным, дизентерией, чешоткой, трахомой. В период весны – лета 1921 г. больных детей школьного возраста насчитывалось 84 человека, что составляло более 11 %. При больнице городка было открыто трахоматозное отделение. Смертность среди детей преимущественно была от холеры и желудочных заболеваний, а также от истощения. Заболели и умерли преимущественно дети, поступившие в городок в мае 1921 г. В период с 1 мая по 15 июня умерли 56 детей школьного возраста. Из воспитательского персонала за этот же период из 35 умерли 9 человек. Кроме того, в

январе 1922 г. умерли 3 воспитателя и 2 человека из технического персонала [4, л. 67об].

С больницей было не все гладко. Она находилась на территории Детского городка и содержалась за счет ГубОНО. Объем ее финансирования доходил до 50 % всех денежных авансов учреждения. Больница была автономной единицей, и ее администрация не могла поладить с руководством городка. Например, в июне 1922 г. в больнице накопилось 7 трупов, и завхоз больницы обратился с просьбой в администрацию городка об их погребении, что вызвало недоумение и возмущении руководства Детского городка. Заведующий, не имея в тот момент возможности направить на погребение технических служащих, отказался это поручать детям, «полагая, что детворе поручить выполнение означенной работы противуравненно» [4, л. 61]. Поэтому в своей резолюции он просил завхоза больницы обойтись своими средствами: выделить из полусотни больничных сотрудников двух технических работников, и поручить им вырыть яму для покойников. Предложение это было встречено категорически отказом – «не наша обязанность», и рыть яму пришлось воспитанникам городка. Это был не единственный случай. На призыв администрации городка выйти на воскресник по очистке выгребных ям в больнице представители МедикоСанТруд «откликнулись молчанием». И вновь за штатом больницы пришлось убирать сотрудникам городка и воспитанникам. Не удивительно, что администрация городка на всех уровнях выступала с ходатайствами о закрытии больницы на основании «малоуспешности лечения детворы».

Летом 1921 г. «грозно встает вопрос о заготовке 1 000 кубов саженой топлива на зиму, о заготовке зернохранилищ на 37 000 пудов, о заготовке и ремонте тары по засолке овощей пудов до 10 000, о заготовке упряжи для лошадей, транспорта, ибо не надеясь приобрести такое количество рабочего скота сразу, мы не заготовили достаточно ни хомутов, ни подвод» [4, л. 65].

В монастыре плохо работало отопление, поэтому надо было провести капитальный ремонт печей и отремонтировать здания. Среди задач по подготовке к зиме отмечено: очистить колодцы, собрать и посушить в зиму фруктов, убрать хлеб и овощи, а также оборудовать новые отделения кроватями и мебелью и обшить детей и рабочих обувью, одеждой. И все эти работы необходимо было провести исключительно силами городка: «Дети и педагоги отправляются в степь полоть кукурузу и подсолнухи, они же полют огороды, вкапывают и чистят сады. Они же идут в мастерские и изготавливают кровати, мебель, шьют одеяла, штопают белье и придется им же очищать и городок, а за все это 1/2 фунта хлеба в день» [4, л. 65об]. Коллегия детского учреждения, понимая, что дети и педагоги просто изнурены, и им необхо-

дима передышка, набирала специальных рабочих, на которых предполагала возложить всю тяжелую работу.

Повседневность воспитанников была очень тяжелой не только из-за изнурительного труда, неустроенности и антисанитарии. Дело плохо обстояло и со снабжением продуктами, постельными принадлежностями, классной мебелью, с посудой, обувью и обмундированием: «Обутых детей нет, разбилась обувь. Зимой обутых было 50 %. Имевших зимой теплые пальто было 15 %; койками спальни оборудованы на 30 % и постельными принадлежностями тоже. Белья нательного и верхнего по 2 смены имеют 50 %, по одной 25 % и совсем не имеют 25 %. Классной мебели не хватает 75 %, посуды столовой и чайной тоже 75 % не хватает. Мастерские за отсутствием оборудования, матерьяла, за ударной работой в огородах, работают слабо и не могут удовлетворить предъявляемые к ним требования ни по заготовке мебели и белья, и постельных принадлежностей» [4, л. 65об].

Сетования заведующего городком М. Дзюбы по поводу хозяйственной жизни Детского городка сочетались с робким оптимизмом: «... положение ее безусловно, тяжелое, но не безнадежное, в большом тупике она была, но вышла, а теперь бояться за ее благополучие особенно нечего. И если ей удастся выполнить хотя бы 1/3 намеченного плана, то оставляя городок, я, старый его работник, спокойно мог сказать “Ныне отпускаешь раба твоего”» [4, л. 65об].

Только к лету 1922 г. Детский городок в целом был благоустроен: «Чистота в отделениях и во дворах, опрятная одежда, порядок среди детворы. Видимо те, кто создавали городок, немало приложили ума и энергии. И если половина из этих работников, и надо сознаться половина лучшая, разбежалась и разбегается – не их вина. Они создали что могли, устали. Помощи нет. И они беспомощные, обессиленные, отстают» [4, л. 61]. Однако, как свидетельствует источник, проблема кадров не только не была решена, но и в силу тяжелого положения оставалась чрезвычайно острой. Были разбиты огороды, ожидался сбор огурцов, капусты, помидоров, картофеля, но из-за отсутствия дождей урожай мог погибнуть, а искусственное орошение выполнить было невозможно из-за отсутствия средств. На комиссионных началах была посеяна пшеница, кроме того, имелось три фруктовых сада. Воспитанники совместно с педагогами выполняли все сельскохозяйственные и хозяйственные работы – охраняли огороды и сады по 2–3 человека, поддерживали чистоту, ремонтировали помещения, чистили выгребные ямы. «Словом, весь городок от мала до велика проникнут глубоким сознанием своего долга. Каждый, не считаясь со временем, не гнушался грязным трудом, делая свое малень-

кое дело в созидании того великого дела, каким является сейчас городок» [4, л. 61].

По-прежнему для осенней сельскохозяйственной компании 1922 г. в городке имелся всего лишь один плуг, одна борона и три пары волов. Предстояла работа по подъему и прополке нескольких десятин земли, а также очистке садов [4, л. 61об]. Что касалось заготовки сена, то она не производилась, несмотря на то, что по соседству с огородами имелись покосные участки. Однако на выполнение этой работы в детском учреждении не было ни физических, ни материальных средств. Кроме того, были проблемы и с заготовкой на зиму дров, поскольку в лесу не была выделена делянка, и городок пользовался остатками сухостоя, собираемыми на своей территории.

Положительные изменения касались электрификации Детского городка. Если в 1921 г. руководство сетовало на отсутствие электрификации городка, то к осени 1922 г. предполагалось «обзавестись электрическим освещением», и летом уже начались работы по разводке проводки по отделениям. В городке были открыты мастерские, но работали они не регулярно. Для столярной и сапожной мастерских не было сырья, швейная мастерская нуждалась в организационной перестройке: «При материальной части Губоно имеется мастерская для шитья белья и одежды детским домам с особым штатом платных сотрудников. В детском же городке имеются юные мастерицы – одни жаждущие работы, другие рвущиеся научиться работать. И вывод из этого может быть один, закрыть мастерскую при материальной части Губоно и передать всю работу по шитью Детскому городку. Сапожная должна быть немедленно восстановлена» [4, л. 62].

При организации учебно-воспитательного процесса руководство в области образования стремилось осуществить принципы Трудовой школы, положив в основу образовательной работы труд и через него, и от него идти к обучению. Однако здесь учреждение столкнулось с недостатком в учебных пособиях, отсутствием лабораторий, недостаточностью мастерских, отсутствием надлежаще оборудованных помещений для занятий, недостатком одежды, обуви, питания детей и руководителей, скученностью детей. В документах заведующий отчитывался о проделанной работе: «Образовательная работа идет нормально и если принципы Трудовой школы не осуществлены целиком, то подход к этому делается; безграмотность среди детей ликвидирована; дети, явившиеся в городок с ярко выраженной индивидуалистической психологией, представлявшие из себя толпу ничем не связанных, обособленных друг от друга индивидуумов, живущих особыми интересами под влиянием среды и всей обстановки их жизни прониклись сознанием, того, что они представляют из себя один коллектив, одну семью с общими всем ин-

тересами и заданиями; дети осознали, что им общими коллективными усилиями надо налаживать свою жизнь в интересах целого, что они чем-то полезному научатся, что они должны заниматься производительным трудом, а не жить за общественный счет» [4, л. 32].

Детский городок был включен в контексте культурной политики и поэтому одним из направлений воспитания была антирелигиозная пропаганда. Создание «нового человека», свободного от религиозных предрассудков, являлось одной из важнейших задач государства. Главной площадкой для реализации идеи распространения антирелигиозной пропаганды и атеизма стала именно система образования. Надо отметить, что именно детские умы достаточно легко адаптировались к новому политическому курсу, поэтому именно на них власть делала большую ставку при разработке своего антирелигиозного курса. В начале 1920-х годов школьники должны были изучать основы естественных наук, которые призваны были разрушить религиозную картину мира. Школа должна была внедрять антирелигиозные ценности в повседневные практики школьной жизни и обеспечивать участие самых юных граждан в антирелигиозной работе. Ставропольская губерния, в частности город Ставрополь, находилась в общем со всей страной русле безбожной работы среди подрастающего поколения. Поступающие в Детский городок им. Октябрьской революции дети с улицы или из семьи приносили с собою среди всевозможных предрассудков и религиозные. По мнению местной власти, «их во что бы то ни стало в процессе воспитательной и образовательной работы необходимо искоренить, ибо наша школа светская, освобождает ребенка от влияния церкви со всеми ее «добродетелями рабов»» [4, л. 110]. По всем детским учреждениям рассылалась инструкция педагогам, в которой при опоре на 6 статью «Положения о единой трудовой школе» Ставропольский Губсоцвос указывал на необходимость широкой антирелигиозной пропаганды в стенах и вне стен учреждений, призывая педагогических работников к плановой работе в проведении принципа светской школы. В 6 статье декларировалась полная светскость школы, тем самым утверждался принудительный и непрекращаемый принцип «светскости» школьного образования, не допускающий «преподавания в стенах школы какого бы то ни было верования» [15]. Работа в этом направлении была долгосрочной и планомерной. Через пять лет после принятия «Положения о единой трудовой школе», 18 декабря 1923 года, СНК РСФСР утвердил «Устав единой трудовой школы», в котором ещё раз было закреплено правило: «Преподавание в школе какого бы то ни было верования и исполнение в школе обрядов культа не допускается» [27].

Дети принимали активное участие в работах советов отделений, в контрольно-хозяйственных комиссиях, организовывали литературные, драматические, хоровые кружки, самостоятельно устраивали литературные вечера, издавали журнал, проводили товарищеские суды, т. е. «жили сознательной жизнью коллектива, являя из себя маленьких сознательных граждан». Во всех отделениях за исключением приемника, было введено самоуправление. По мере необходимости дети устраивали собрания и решали вопросы, касающиеся их жизни. Таким образом, воспитанников приучали к самостоятельности [4, л. 68]. Ребята принимали активное участие в работах в мастерских, в работах по оборудованию отделений и самообслуживанию городка. Кроме того, многие из них заявляли, что они охотно сделали бы дворниками, чернорабочими при отделениях во имя общих интересов отделения и, чтобы «даром не есть чужого хлеба», что свидетельствует об усвоении пропагандируемых ценностей. В 1921 г. функционировали такие кустарные мастерские, как столярная, художественная, изящных рукоделий, швейная и сапожная. Педагоги просили расширить существующие мастерские, а также ввести, где это технически возможно, машинное производство, тем более такая возможность была реальностью, поскольку в городке был свой двигатель и динамо-машины. Таким образом ставилась задача придать образовательной работе политехнический характер. Однако ГубОНО не располагало необходимыми средствами.

Однако нельзя не отметить активность в трудовом воспитании. Несмотря на полуголодное состояние, усиленный физический труд на огородах, ребята после обеда бежали в мастерские и занимались своим любимым делом: мальчишки в столярной, сапожной и жестяной мастерских, девочки – в швейной мастерской и в художественной студии. Старшие дети обслуживали младших, шили на все почти отделения дошкольного и младшего школьного возраста одеяла, лифчики, а также перешивали и штопали платица, штанишки. Мальчишки делали ложки, чинили совершенно разбитую обувь, вставляли донья в ведра и тазы. Кроме того, дети разобрали бывшую в беспорядке библиотеку

Детского городка и составили под руководством воспитателей каталог, и сами работали в библиотеке не хуже взрослых, изучая на практике библиотечное дело. Взрослые девочки «прикомандировывались» практикантками к дошкольным отделениям и яслям для того, чтобы получить педагогический опыт и впоследствии стать «ценными работниками советского строительства в деле воспитания и образования детей». Таким образом, городок не только помогал детям в настоящее время, но и заботился об их ближайшем будущем, предоставляя возможность в получении первичных профессиональных навыков [4, л. 68].

В 1924 г. после проверки отделом народного образования города Ставрополя положения в Детском городке произошла перегруппировка в его образовательных учреждениях. В результате в городке появились «3 отделения дошкольников и 5 отделений школьного возраста с 12 группами дошкольного возраста и 18 групп школьного возраста. Количество детей в детских домах после группировки – 310 человек. Количество детей в Детском городке после группировки – 1 100 человек. Педагогического персонала в Детском городке – 52 человека и технического – 108 человек» [3, л. 8].

Результаты. Таким образом, с начала 1920-х гг. в стране стала формироваться единая социальная система по оказанию помощи беспризорным и обездоленным детям. Для беспризорников это время стало, с одной стороны, как показали источники по истории Детского городка имени Октябрьской революции в Ставрополе, возможностью выживать в условиях жестокого голода. Повседневность этих ребят была нищей и трудной, но в отличие от улицы, они могли здесь укрыться от холода и дождя, не умереть от голода. В то же время в Детском городке в тяжелых условиях формировалось новое мировоззрение детей, основанное на идеях классовости, коллективизма, почетной роли физического и профессионального труда, презрения к религии. Дети в городке получали основы грамоты и навыки рабочих профессий, умение жить и трудиться в коллективе.

Литература

1. Арепьев Н. Ф. Исправительное воспитание в России // Русская школа: общепедагогический журнал для школы и семьи. 1895. № 5-6.
2. Верещагина Н. Трудовые колонии (кооперация в деле воспитания) два доклада, читанные 1) в СПб. обществе содействия физическому развитию, 8-го апреля 1906 г., 2) в Московском обществе борьбы с улицей – 10-го июля 1906 г. С.-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1906. 32 с.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). ФР. 300. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАСК. ФР.1 64. Оп. 1. Д. 299.
5. О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение): Декрет ВЦИК // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 1026–1030.

6. О Комиссии при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете по улучшению жизни детей: Декрет ВЦИК от 10 февраля 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 122.
7. Декрет о комиссиях для несовершеннолетних. 17 января 1918 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/> (дата обращения: 24.09.2025).
8. Залеский В. Ф. Попечение о беспризорных и покинутых детях. Казань: Типолиитография Императорского университета, 1916. 714 с.
9. Катцина Т. А., Мариненко Л. Е. Смена модели и практик решения проблемы детской беспризорности в первой четверти XX века (по материалам Енисейской губернии) // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 9–19.
10. Красный детгородок в Новочеркасске. URL: https://novocherkassk-gorod.ru/na_article/47597 (дата обращения: 24.09.2025).
11. Кривоносов А. Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. 2003. № 7. С. 92–98.
12. Мальцева О. Б. Ликвидация массовой детской беспризорности в советской России в 1920-е годы (на материалах Ставрополья и Терека: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010. 27 с.
13. Мезит Л. Э. Социально-трудовая адаптация детей-сирот в середине 1920-х гг. как способ ликвидации детской беспризорности // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 2. С. 146–156.
14. Перова М. А. Детская повседневность советской России 1920-х гг. (на материалах Курганского и Шадринского округов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2020. 24 с.
15. Положение об единой трудовой школе РСФСР. Утверждено на заседании ВЦИК 30.09.1918 // Народное образование в СССР: сб. док. 1917–1973 / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. С. 134.
16. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «О плане борьбы с детской беспризорностью» от 20.06.1927 URL: https://e-esolog.ru/docs/EgLy_3CPzEsys3V7Kj77T. (дата обращения: 24.09.2025).
17. О переходе в ведение Народного Комиссариата Государственного Призрения всех учреждений призрения несовершеннолетних и малолетних детей и об учреждении Коллегии призрения несовершеннолетних: Постановление Народного Комиссариата Государственного Призрения РСФСР от 26.01.1918 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 327–328.
18. Об Отделе призрения несовершеннолетних: Постановление Народного Комиссариата Государственного Призрения РСФСР от 25.01.1918 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 299.
19. О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 марта 1935 г. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 24.09.2025).
20. Рябинина Н. В. Детская беспризорность и преступность в 1920 г. (по материалам Верхнего Поволжья). Ярославль: Ярославский государственный университет, 1999. 60 с.
21. Самсонова С. А. Политика и социальная практика преодоления детской беспризорности на Ставрополье и Тереке в 20–30-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2012. 289 с.
22. Сиротство и беспризорность в России: история и современность. СПб: Лики России, 2008. 303 с.
23. Славко А. А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2011. 41 с.
24. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни 1917–1940 гг. М.: СПб.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.
25. Собрание Узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1919 г. М.: Б. и., 1943. 886 с.
26. Тальберг Д. И. Исправительные приюты и колонии в России. СПб: Издательство. тип. В. С. Балашева, 1882. 63 с.
27. Устав единой трудовой школы. Утверждён СНК РСФСР 18 декабря 1923 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сборник документов. 1917–1973 гг. / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: «Педагогика», 1974. С. 147.

References

1. Areyev NF. Correctional Education in Russia. *Russian School: a general educational magazine for schools and families*. 1895;(5-6). (In Russ.).
2. Vereshchagina N. Labor Colonies: (cooperation in education) two reports read 1) at the St. Petersburg Society for the Promotion of Physical Development, April 8, 1906, 2) at the Moscow Society for the Fight against Street Violence – July 10, 1906. St. Petersburg: IN. Skorokhodov Printing House; 1906. 32 p. (In Russ.).
3. State Archives of the Stavropol Territory (GASK). FR. 300. Inv. 1. D. 6. (In Russ.).
4. GASK. FR. 164. Inv. 1. D. 299. (In Russ.).
5. Decree of the All-Russian Central Executive Committee "On the Unified Labor School of the Russian Socialist Federative Soviet Republic" (Regulations) in Collection of government regulations and orders for 1917-1918. Moscow: Administration of the Council of People's Commissars of the USSR; 1942. P. 1026-1030. (In Russ.).
6. Decree of the All-Russian Central Executive Committee "On the Commission under the All-Russian Central Executive Committee for Improving the Lives of Children" of February 10, 1921 in Collection of government regulations and orders for 1921. Moscow: Administration of the Council of People's Commissars of the USSR; 1942. P. 122. (In Russ.).
7. Decree on commissions for minors. January 17, 1918. Available from: <https://docs.historyrussia.org/> [Accessed 24 September 2025]. (In Russ.).
8. Zaleskii VF. Care for Homeless and Abandoned Children. Kazan: Typolithography of the Imperial University; 1916. 714 p. (In Russ.).

9. Katsina TA, Marinenko LE. Changing Models and Practices for Resolving the Problem of Child Homelessness in the First Quarter of the 20th Century (Based on Materials from the Yenisei Province). *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2016;(6):9-19. (In Russ.).
10. Red Children's Town in Novocherkassk. Available from: https://novocherkassk-gorod.ru/na_article/47597 [Accessed 24 September 2025]. (In Russ.).
11. Krivonosov AN. Historical Experience of Combating Homelessness. *State and law*. 2003;(7):92–98. (In Russ.).
12. Maltseva OB. Elimination of Mass Child Homelessness in Soviet Russia in the 1920s (Based on Materials from Stavropol and Terek: abstract thesis. Stavropol; 2012. (In Russ.).
13. Mezit LE. Social and Labor Adaptation of Orphans in the Mid-1920s as a Way to Eliminate Child Homelessness. *Socio-economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University*. 2019;(2):146-156. (In Russ.).
14. Perova MA. Children's Everyday Life in Soviet Russia in the 1920s (Based on Materials from the Kurgan and Shadrinsk Districts): abstract thesis. Chelyabinsk; 2020. 24 p. (In Russ.).
15. Regulation on the Unified Labor School of the RSFSR. Approved at the meeting of the All-Russian Central Executive Committee on September 30, 1918 in Public Education in the USSR: Coll. Doc. 1917-1973 / compiled by AA. Abakumov, NP. Kuzin, FI. Puzryev, LF. Litvinov. Moscow: "Pedagogy", 1974. P. 134. (In Russ.).
16. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR "On the Plan to Combat Child Homelessness" dated June 20, 1927. Available from: https://e-ecolog.ru/docs/Erly_3CPzEsync3V7Kj77T. [Accessed 24 September 2025]. (In Russ.).
17. Resolution of the People's Commissariat of State Charity of the RSFSR "On the Transfer to the Jurisdiction of People's Commissariat of State Charity of all institutions for the care of minors and young children and on the establishment of the Board of Care of Minors" of 26.01.1918 in Collection of laws and orders of the government for 1917-1918. Moscow: Administration of the Council of People's Commissars of the USSR; 1942. P. 327-328. (In Russ.).
18. Resolution of the People's Commissariat of State Charity of the RSFSR "On the Department of Care of Minors" of 25.01.1918 in Collection of laws and orders of the government for 1917-1918. Moscow: Administration of the Council of People's Commissars of the USSR; 1942. p. 299. (In Russ.).
19. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On the elimination of child homelessness and neglect" of 31 March 1935. Available from: <https://ru.wikisource.org/wiki> [Accessed 24 September 2025]. (In Russ.).
20. Ryabinina NV. Child Homelessness and Crime in 1920 (Based on Materials from the Upper Volga Region). Yaroslavl: Yaroslavl State University; 1999. 60 p. (In Russ.).
21. Samsonova SA. Policy and Social Practice of Overcoming Child Homelessness in Stavropol and Terek in the 1920s-30s: the- sis. Stavropol; 2012. 289 p. (In Russ.).
22. Orphanhood and Homelessness in Russia: History and Modernity. St. Petersburg: Liki Rossia; 2008. 303 p. (In Russ.).
23. Slavko AA. Child Homelessness and Neglect in Russia in the Late 1920s – early 1950s: social portrait, causes, forms of struggle: abstract thesis. Samara; 2011. 41 p. (In Russ.).
24. Smirnova TM. Children of the Country of Soviets: From State Policy to the Realities of Everyday Life 1917–1940. Moscow; St. Petersburg: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences: Center for Humanitarian Initiatives, 2015; 384 p. (In Russ.).
25. Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government for 1919. Moscow; 1943. 886 p. (In Russ.).
26. Talberg DI. Correctional Shelters and Colonies in Russia. St. Petersburg: V. S. Balasheva Publishing House; 1882. 63 p. (In Russ.).
27. Charter of the Unified Labor School, approved by the Council of People's Commissars of the RSFSR on 18 December 1923 in Public education in the USSR. Comprehensive school. Collection of documents. 1917-1973 / compiled by AA. Abakumov, NP. Kuzin, FI. Puzryev, LF. Litvinov. Moscow: Pedagogy; 1974. P. 147. (In Russ.).